

КИЕВСКИЕ ВЕДЬМЫ

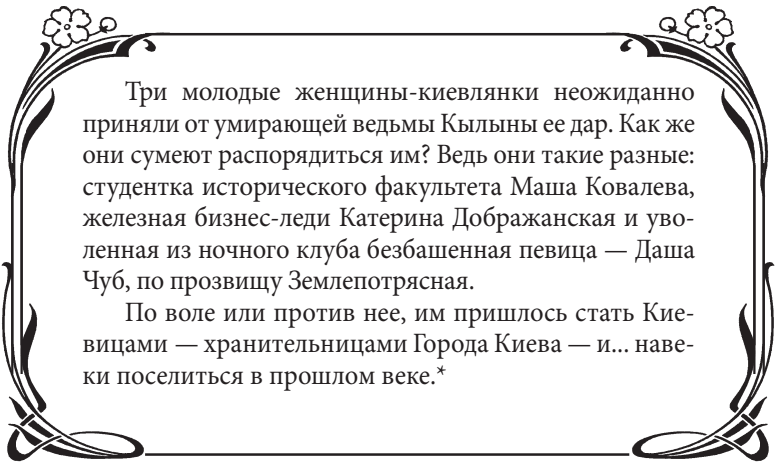

ЛАДА ЛУЗИНА

**РЕЦЕПТ МАСТЕРА
СПАСТИ ИМПЕРАТОРА!**

Книга 1

ХАРЬКОВ • ФОЛІО • 2011

Три молодые женщины-киевлянки неожиданно приняли от умирающей ведьмы Кылыны ее дар. Как же они сумеют распорядиться им? Ведь они такие разные: студентка исторического факультета Маша Ковалева, железная бизнес-леди Катерина Дображанская и уволенная из ночного клуба безбашенная певица — Даша Чуб, по прозвищу Землепотрясная.

По воле или против нее, им пришлось стать Киевицами — хранительницами Города Киева — и... навеки поселиться в прошлом веке.*

Моему Городу посвящается

Глава первая, в которой появляется враг

13 декабря по старому стилю в доме № 13 на улице Малоподвальной собралась пренеобычная компания. И кабы прапорщица Купкина, проживающая в доме напротив, заняла свой излюбленный пост у окна, почтенной вдове наверняка хватило бы тем для пересудов и сплетен до самой Пасхи.

Но, на свою беду, в тот день Ангелина Федотовна ждала дорогого гостя — своего дальнего родственника крестьянина Пузикова. И не увидела, как в первом часу к подъезду подрулил невероятный экипаж — натуральные самоходные аэросани с винтом.

Внук Ангелины Федотовны, тринадцатилетний гимназист Саня, стоявший как раз у окна, в изумлении открыл рот...

* Начало истории — читайте в романе «Киевские Ведьмы. Выстрел в опере».

За рулем единственных в Киеве безлошадных саней сидела первая поэтесса Империи — Изида Киевская!

Саня знал, что verso гимназистки (и курсистки, и княгини, и курхарки, и актрисы, и горничные, и особенно проститутки!) почитают ее, как живую Богиню. Стихи Изиды Сане читала на катке фиалкоглазая Оленька Спичкина, в которую он был влюблен на прошлом Рождестве. В особенности Оленьке нравилось одно: «И на правую руку надела я перчатку с левой руки». Она и сама пыталась писать стихи: «И на правую ногу свою я левую туфлю надела» — и тому подобную чушь. Потому очень скоро Сане разонравилась. А вот Изида по-прежнему будоражила его воображение, ибо, помимо малоинтересных Сане стихов, была известна многим и многим...

Говорили, что когда-то поэтесса начинала свой путь, танцуя на сцене кабаре «Лиловая мышь» в умопомрачительно коротких кальсонах!

Говорили, что Изида была первой дамой в Империи, отринувшей не только корсеты, но и сами дамские юбки! В юбке Изиду и впрямь не видел никто. Говорили, что даже в дом к строгой графине П-шской поэтесса пришла в своих любимых шальварах и заявила на аудиенцию к генерал-губернатору в мужском фраке.

Но не это сделало Изиду предметом Саниного восторга. В юбке женщина, в штанах или без — она останется женщиной. «Волос долог, ум короткий. И пусть даже баба сострижет косу, ума ей все одно не отрастить» — говаривал Митин дядька. Но если все дамы, от длинноколых институток до стриженных поборниц женских прав, обожали Изиду за дамские стишки и презрение к навязанной даме условностям, мужчины чтили ее за поступки совсем иного рода.

Шесть лет назад Изида стала первой в Киеве женщиной, которая начала водить авто самолично. Пять лет назад Изида участвовала (и победила!) в автомобильном пробеге «Киев-Москва». Пять лет подряд Изида брала первый приз в соревнованиях по стрельбе. Изида ездила по Киеву на мотоциклете, аэросанях и моторах «Руссо-Балта». Изида была почетным членом Киевского Кружка «Спорт». Изида водила дружбу с известными летунами и авиаконструкторами. Изида поднималась в воздух на аэроплане и ставила на нем мировые рекорды...

А три года назад — в 1913 году — стала первой в мире дамой-авиатором, рискнувшей повторить смертельную пилотажную фигуру «мертвая петля», которую за день до того (тоже впервые в мире!) сотворил в небе над Киевом авиатор Петр Нестеров на самолете «Ньюпор-4». Этот поступок мгновенно сделал Изиду самой известной женщиной Империи (да что там, целого мира!). Киевское общество воздухоплавания немедленно присудило ей и Нестерову золотые медали. О героической даме писали все газеты, и здесь, и за рубежом. Посмотреть на небесные пике поэтессы приезжали со всех концов света. И блистательная слава Изиды-авиатора затмила даже сладкую славу Изиды-стихоплетки.

Саня прилип к окну, глядя, как, с восхитительно небрежной легкостью орудуя одною рукою, Изида крутанула руль и припарковала диковинные аэросани у подъезда. Облаченная в черную «чертову кожу» блондинка спрыгнула на мостовую, сняла большие очки... Саня и сам мечтал стать авиатором, летчиком! В своих мечтах он видел себя в кожаной куртке, черном кожаном шлеме и огромных очках, сидящим — а лучше летящим! — в аэроплане. Не далее чем месяц назад он прогулял занятия в гимназии (за что был жестоко наказан), чтоб посмотреть, как Изида поднимется в небо.

— Вот ведьма чертова, — сказал господин в золотом пенсне, оказавшийся рядом с Саней. — Вы только помыслите, — обратился он к кому-то, — ведь ни один мужчина в мире еще не на смелился повторить три смертельных трюка Изида.

А Саня подумал: «Я повторю! Когда я вырасту, я повторю непременно...»

Но тут случилось нечто, из-за чего все небесные трюки, аэропланы и сама авиаторша вынеслись из Саниных мыслей со скоростью света.

Вслед за героической стихоплеткой к дому № 13 подъехала личность ничуть не менее необыкновенная, легендарная, но главное, занимающая в мыслях тринадцатилетнего гимназиста место совершенно особенное (от этих мыслей Саня нередко покрывался багровой краской и испытывал чуть ниже живота чувство одновременно непонятно-приятное и неприятно-постыдное).

Из комфортабельного дорогого бельгийского автомобиля «Минерва» вышла сама Екатерина Михайловна Дображанская! Первая на Киеве раскрасавица, сладостная греза и неосуществимая мечта гимназистов, приказчиков, поэтов, актеров, художников, студентов и офицеров, почтенных отцов семейств, чиновников от 7 до 1 классов, иначе говоря, всех-всех-всех представителей мужеского пола и даже, как говаривали на Киеве многие, самого генерал-губернатора.

Всё в этой женщине будило и будоражило воображение. И ее редкостная, изумительнейшая красота, совершенство которой, перебарывая скрежет зубовный, признавали и самые черные недоброжелатели г-жи Дображанской. И то, что проживала она в наидиковиннейшем в Киеве доме, прозванном «Домом с Химерами». И то, что, как принцесса в заколдованном замке, она жила там

одна (хотя, несомненно, могла бы составить самую блестящую партию). И ее известное всем благочестие (каждый месяц Дображанская навещала один из женских монастырей и щедро одаривала принявшую ее обитель). И то, что, помимо романтического звания прекрасной загадки, Катерина Михайловна носила прозаический, но ничуть не менее интригующий титул самой богатой женщины Империи (владелицы заводов и доходных домов, магазинов и иллюзионов, городских железных дорог, сибирских рудников, золотых и серебряных приисков). Но прежде всего, ее несовместимая с вызывающей — вызывающей головокружение! — красотой не покоренная никем неприступность.

Одноклассник Сани, второгодник Карлютов, рассказывал, что слышал от отца о том, как один офицер заключил пари с одним князем: кто первый завоюет сердце Катерины Михайловны. Оба они слыли бывалыми донжуанами, но ни один не смог не то что завоевать, но и подойти к раскрасавице Кате ближе, чем на десять шагов!

Князь рассказывал в клубе (Карлютов слышал, как папенька потчует друзей этой историей за коньяком с сигарой), на благотворительном балу, где была и она, он предпринял попытку подойти к ней. Как вдруг, точно почуяв его приближение, Катерина Михайловна повернула голову и смерила его таким взглядом, что у князя разом онемели руки и ноги. Стоит он, как истукан, и с места сдвинуться не может. Танцы начинаются, а он все стоит в центре залы, шага сделать не в силах. «Точно умерло во мне все, — говорит. — Ведьма она, не иначе... Черт с ней. Черт с этим пари. Но до чего хороша! Вблизи еще лучше. Шейка, плечи, кожа. А глаза... Вот смотришь на нее и думаешь: ничего мне больше в жизни не надо, только на нее смотреть. Одно слово — ведьма!»

Выпучив глаза, Саня смотрел, как лощеный шофер открыл перед госпожой Дображанской дверцу авто и подал ей руку; качнув пушистым пером бархатной шляпы, красавица снизошла на грешную землю. Желая рассмотреть ее поближе, гимназист стремительно распахнул створки окна, почти выпал наружу. И увидел длинную бровь, черный, огромный, колдовской глаз, лицо, столь совершенно-прекрасное, что на него было больно смотреть.

«Я вас люблю!» — закричало внутри. Внутренности разорвало, глаза наполнились недостойными слезами. Лик Катерины Михайловны Дображанской скрылся под шляпой. Шляпа упорхнула в тринадцатый дом...

Саня как-то странно обмяк, словно все счастье, отмеренное на его жизнь, осталось в прошлом — она унесла его с собой.

«Когда я стану известным авиатором, летчиком, — подумал он, — она полюбит меня. Правда, она тогда будет уже старая. Она и сейчас уже старая — ей, наверное, лет 25. А может, и больше. Но все равно, она самая...»

Но мысль о самости Катерины Михайловны Сане окончить не удалось.

К воротам дома № 13 подъехал третий экипаж, а в нем еще одна царица. Да не названная, а самая что ни на есть настоящая.

Выйдя из коляски, в тринадцатый дом зашла вдовствующая императрица Мария Федоровна.

«Карлютов не поверит мне. Сколько ни божись, не поверит», — только и подумал Саня.

А начиналась эта история так...